

КОНЕЦ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА III:
БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА «КОНТРЕФОРМАМ»?

Несмотря на то, что в литературе за царствованием Александра III закрепилась характеристика как эпохи «контрреформ», начало 90-х гг. сложно охарактеризовать однозначно. Этому времени была присуща некоторая неуверенность и неопределенность в правительственной политике. Конец царствования Александра III не стал полным торжеством реакции. Так, не прошла попытка министра юстиции Н.В.Муравьева отказаться от духа 60-х гг. в области судопроизводства. По его замыслу, суд в России должен был стать проводником и исполнителем самодержавной воли, органом правительства. О правосудии в записке министра юстиции не было и речи, наоборот, в ней заявлялось о несоответствии принципа разделения властей самодержавию, о том, что суд только стесняет власть своим особым вниманием к защите гарантий гражданских прав и свобод¹. С.Ю.Витте смог уговорить Александра III признать существование рабочего вопроса в России и стал готовить проект организации страхования рабочих. Однако идею провалил К.П.Победоносцев, назвав за нее министра финансов «опасным социалистом»². Репутацию «красного» в ортодоксально правых кругах имел А.С.Ермолов, назначенный в марте 1893 г. министром государственных имуществ (с 1894 г. — министерство земледелия и государственных имуществ)³. Уже в конце 1893 г. А.С.Ермолов во всеподданнейшем докладе констатировал важную роль земств в деле улучшения сельского хозяйства в России. Министр предложил объединение усилий местной администрации и самоуправления в виде создания специальных органов с преобладанием там представителей власти⁴. Более того, без лишнего шума А.С.Ермолов поставил вопрос об использовании сельскохозяйственных обществ и земств в качестве местных органов МЗиГИ. Несмотря на осторожный характер этих действий, они давали надежду обществу в том, что власть переходит от конфронтации к сотрудничеству с ним.

Можно сказать, что в начале 90-х гг. среди министров складывалось здоровое ядро в лице неоднородно мыслящих и стремящихся к активной деятельности И.И.Воронцова-Дашкова, С.Ю.Витте, А.С.Ермолова, вес и влияние которых, особенно министра финансов, росли, а значение столпа ретроградов К.П.Победоносцева ощутимо уменьшилось. С.Ю.Витте и И.И.Воронцова-Дашкова нельзя было назвать либералами, но их отличало стремление решать существующие и возникающие проблемы в рамках здравого смысла, что объективно толкало их на попытки модернизации социально-политического

стройка империи в направлении капитализма, пусть и при искреннем желании сохранить в неприкосновенности самодержавие. Но если карьера С.Ю.Витте еще только начиналась, а влияние А.С.Ермолова было незначительным, то наиболее существенной представляется деятельность министра двора графа И.И.Воронцова-Дашкова. Граф, пользовавшийся особым расположением Александра II и Александра III, всегда придерживался умеренных, а в некоторых случаях даже либеральных взглядов, выступая сторонником проведения ряда серьезных преобразований. Еще в 70-х—начале 80-х гг. И.И.Воронцов-Дашков принял активное участие в разрабатываемых Р.А.Фадеевым планах перемен⁵. В известных «Письмах о современном состоянии России» перу графа принадлежало X письмо, посвященное крестьянскому вопросу и уже тогда содержащее критику общинных порядков. Влияние И.И.Воронцова-Дашкова усилилось с 1881 г., после того как он был назначен министром двора. Помимо личной близости императору, граф также стал докладчиком Александру III по самому широкому кругу вопросов, в том числе — по политическим и даже дипломатическим делам, никак не входившим в официальную компетенцию министра двора. Царь сам посылал ему на заключение различные записки, например, об университетских беспорядках 1887 г. и др.⁶ И.И.Воронцов-Дашков не только не тяготился этой ролью, но, наоборот, стремился к ней⁷. Он не скрывал своих взглядов и неоднократно прямо выступал против отказа от курса реформ 60-х гг. Напрямер, в конце 80-х гг. министр двора представил записку с протестом против введения института земских начальников, предлагая сосредоточить все внимание на упорядочении деятельности местной власти, а не заниматься ее «контрреформой»⁸. Там же, где граф имел больше возможностей, он не писал бумаг, а действовал. В своем министерстве он предпринял ряд серьезных реформ: сменил кадровый состав, предпочитая зачислять в штат молодых офицеров из неродовитых семей⁹; радикально преобразовал и расширил хозяйственную деятельность министерства, намереваясь увеличить доходность подведомственных ему имуществ¹⁰. В более чем консервативном окружении Александра III 80-х гг. И.И.Воронцов-Дашков выглядел белой вороной, сам император часто отрицательно относился к его взглядам и действиям. Несмотря на это, граф держался весьма независимо, никогда ни перед кем не заискивал, находился на дистанции от великих князей, брезгливо относился к влиятельнейшему В.П.Мещерскому¹¹. Занимать такую позицию ему позволяло неизменное личное расположение со стороны Александра III. К концу его царствования оно, видимо, даже выросло, так как граф занял роль «официального либерального оппонента» в дискуссии 1893 г., за которой с интересом наблюдал царь. Таким образом, по взглядам и по поведению И.И.Воронцов-Дашков значительно отличался от большинства сановников тем, что, стоя на умеренных позициях, он не искал при этом укрепления своего положения всеми возможными путями, а иногда позволял себе высказывать то, что думает, всецело полагаясь на свой личный авторитет в глазах императора.

Ряд фактов заставляет предположить, что к началу 90-х гг. министр двора достиг пика своего государственного влияния. Помимо участия в дискуссии 1893 г., о чем речь впереди, об этом говорит также активное участие графа в деятельности комиссии А.С.Танеева по подготовке реформы системы государственной службы: в конце 1893 г. он попытался реанимировать

ее деятельность и представил Александру III записку¹². В ней предлагалось значительно сократить табель о рангах, фактически приравняв их к наградам за успехи в службе, ввести строгое соответствие должностей и чинов, ужесточить чиновничество, отказавшись от принципа выслуги лет. Царь, видимо, не решился столь значительно поменять сложившиеся бюрократические порядки, поэтому проект в целом остался неосуществленным. Но даже часть его в виде создания специального Инспекторского комитета по наградам при Собственной Е. И. В. канцелярии (указ 9 июля 1892 г.) и передача этому комитету всех представлений о продвижениях в чинах (указ 6 мая 1894 г.) оказалась для всех неприятнейшим сюрпризом: у министров изымался важнейший рычаг их воздействия на подчиненных. Попытка Н.В.Муравьева протестовать была в резкой форме отклонена Александром III¹³.

Кроме того, в это время И.И.Воронцов-Дашков начал группировать вокруг себя людей, к чьим советам он прислушивался: А.М.Безобразова (своего бывшего сослуживца и правую руку по деятельности в «Святой дружине», будущего статс-секретаря Николая II и героя дальневосточной авантюры), Н.И.Непорожнева (один из главных участников подготовки реформы чиновничества), переведя их на службу в Министерство двора и продвинув по табели о рангах (готовясь к выполнению своего же условия соответствия должности и чина?)¹⁴. Это, вероятно, свидетельствовало о том, что И.И.Воронцов-Дашков намеревался играть роль первого министра и реформатора, чтобы влить новую струю в политический курс Александра III, естественно, в той мере, в какой царь готов был ее принять. Однако ограниченность возможностей графа в большей степени, чем сомнительная с точки зрения целесообразности реформа чиновничества и награждения, продемонстрировала дискуссия 1893 г., посвященная крестьянскому землевладению.

В 1893 г. в России были приняты два важных нормативных акта, касавшихся жизни деревни. Это закон 8 июля 1893 г., по которому вводился запрет на переделы надельных земель до истечения 12-летнего минимального срока, и закон 14 декабря 1893 г., значительно ограничивший возможности крестьян распоряжаться надельной землей. Им был наложен запрет на ее отчуждение (продажа наделов лицам иных сословий стала почти невозможна), на залог, досрочный выкуп надела оговаривался согласием 2/3 схода с последующим утверждением уездным съездом земских начальников.

Подготовка этих законов велась довольно долго. Вопрос о прекращении отчуждения крестьянских надельных земель поднимался некоторыми земствами уже с 1880 г.¹⁵ 23 октября 1885 г. министр внутренних дел Д.А.Толстой в записке «О мерах по ограничению крестьянских разделов»¹⁶ предложил затруднить раздел крестьянских хозяйств, обусловив его согласием главы семьи, отсутствием долгов и решением сельского схода большинством не менее 2/3 голосов (вместо 1/2 по реформе 1861 г.), что и было сделано в 1886 г. В 1890 г. Земский отдел МВД предложил вообще запретить отчуждение крестьянской надельной земли и одновременно, обеспокоившись ее концентрацией в руках верхушки деревни, ограничить возможности дробления наделов¹⁷.

Голод 1891—1892 гг. в ряде губерний Центральной России усилил внимание власти к проблемам деревни. Настроенный решительнее других А.А.Половцов в декабре 1891 г. заявил Александру III о том, что голод имеет

глубинные причины, прежде всего низкую продуктивность крестьянского хозяйства из-за сохраняющегося общинного землевладения. Выход А.А.Половцов усматривал в переходе «от общинного владения единичной собственности» на землю к семейной собственности. Несмотря на скептическое отношение Александра III к этому предложению, царь не сказал категоричного «нет»¹⁸. В 1892 г. Земский отдел МВД также заявил о недопустимости обезземеливания крестьян посредством внутриобщинных переделов земли и предложил объявить часть надельной земли не подлежащей переделам вообще, а передел оставшейся части проводить в сроки, устанавливаемые правительством¹⁹. Уже на примере этих действий можно отметить четко проступающую тенденцию: по мысли чиновников МВД, решение проблемы лежало на пути усиления государственной регламентации жизни деревни. Иначе говоря, ими признавалась несостоятельность общины, ее бессилие самостоятельно урегулировать поземельные отношения, поэтому ее власть существенно ограничивалась. Следовательно, министерство вступило на путь фактического устранения общины, правда не заявляя об этом прямо. Позднее, в обзоре деятельности МВД за время царствования Александра III его авторы заявили, что реформы Александра II вызвали «необходимость правительственной регламентации в области местного управления и самоуправления, главным образом крестьянского». Министерство, разрабатывая меры по изменению крестьянского законодательства, исходило из того, что огромная крестьянская масса, «предоставленная сама себе в делах внутреннего своего управления, часто оказывалась не в силах приходить к разумному выходу из затруднительных положений своего хозяйства и юридического быта»²⁰.

Мне представляется, что такая позиция МВД ставит под сомнение встречающееся в литературе деление различных мнений по отношению к крестьянскому законодательству на сторонников и противников общины. Со стороны власти речь шла о постепенном превращении общины из института самоуправления в орган правительственной администрации, хотя на словах МВД и заявляло о необходимости сохранения и укрепления «мира». Поэтому и вопрос в развернувшейся дискуссии фактически сводился не столько к проблеме общины самой по себе, сколько к тому, каким образом не допустить в деревне перемен, опасных для основ самодержавного строя. В ходе обсуждения законопроекта об ограничении отчуждения крестьянских земель наибольшую известность со стороны противников общины получили мнения Н.Х.Бунге и И.И.Воронцова-Дашкова. Председатель Комитета министров в двух своих записках²¹ показал надуманность тревоги МВД по поводу происходящего отчуждения крестьянских надельных земель. По его сведениям, за 30 лет (1861—1891 гг.) из общего объема надельной земли в 95,8 млн. десятин было отчуждено всего 122,5 тыс. десятин, или 0,125%. Н.Х.Бунге также обратил внимание на то, что проектируемые меры шли вразрез с духом реформ 1861 г., чего так не хотело признать МВД, и прямо поставил вопрос о сохранении или отказе от курса «великой реформы». Для подъема крестьянского хозяйства он предложил другие меры: упорядочение администрации и правопорядка в деревне, всеословность сельских обществ.

Более ярко этот подход оказался представлен в двух записках министра двора графа И.И.Воронцова-Дашкова. В первой из них, составленной по желанию Александра III²², в форме отзыва на уже упоминавшуюся записку

МВД «По проекту правил о земельных пределах», датированную 30 января 1893 г.²³, граф резко обрушился на общину, представив ее как основной источник всех бед русского крестьянства: она не помогала своим членам, жестко взимала подати, способствуя пролетаризации деревни, нравственно разлагала крестьянство²⁴, препятствовала интенсификации сельского хозяйства. В итоге, по его мнению, народ из года в год беднел, истощая свои силы в борьбе с условиями общинной жизни. В своих черновых заметках И.И.Воронцов-Дашков высказался еще более определенно: «Крестьянин — крепостной общины — находится материально и нравственно в более угнетенном положении, чем когда он был крепостным помещика»²⁵. Выход из положения ему виделся в частной собственности на землю. Граф сличком оптимистично смотрел на этот институт как на универсальное средство решения всех проблем деревни.

Однако острая критика такой позиции со стороны защитников общины вынудила И.И.Воронцова-Дашкова²⁶ во второй своей записке снять свои самые резкие обвинения против общины. Министр двора уже не имел ничего против общины «как административной единицы» и даже «как землевладельца», но категорически возражал против существования общины-землепользователя, правда, не во всей России, а только в ее черноземной полосе.

Надо заметить, что и в первой записке И.И.Воронцов-Дашков не настаивал на необходимости уничтожить общину вообще. В черновых заметках сохранились его высказывания об общине как свободном союзе земледельцев с правом выхода и продажи своего надела, с правом выделения на отруб при досрочном погашении выкупных платежей и без всяких пределов земли. Наряду с этим граф, сохранив в своем проекте правительственные пункты о недопустимости отчуждения наделной земли, предлагал также ввести минимум и максимум крестьянских наделов в интересах интенсификации сельского хозяйства, но при всем том в основе его представлений о роли правительства в землепользовании крестьян лежало мнение, что оно должно сосредоточить свои усилия на организации расселения, а не регламентации сельской жизни²⁷. Кроме содействия переходу крестьян на отрубные хозяйства, министр двора считал необходимым принятие законодательных мер, развязывающих «руки крестьянам для выхода из зависимости от общинных порядков», и «сравнение крестьян относительно прав со всеми другими условиями». И здесь он писал не об обязательном введении этих порядков, а о необходимости организации содействия их воплощению со стороны земских, земских начальников, местной администрации²⁸.

Такой подход к общине И.И.Воронцова-Дашкова и МВД показывает, что они вместе говорили о сохранении общины как института, но вкладывали в него совершенно иное содержание, чем то, что община тогда из себя представляла. Показательна реакция И.Н.Дурново на записки министра двора, который в принципе согласился с такой постановкой вопроса, но разошелся с графом в своевременности и постепенности предлагаемых мер²⁹. Министр внутренних дел вообще предпочитал не заострять крестьянский вопрос. Еще в июле 1892 г. он представил всеподданнейший доклад, в основу которого легли предложения мелкого чиновника А.А.Клопова об организации массового статистического обследования деревни. Именно эти меры, по мнению министра, были необходимы (и достаточны? — *И.Л.*) «для поднятия экономи-

ческого положения нашей страны»³⁰. И.И.Воронцов-Дашков тогда же подверг такую позицию резкой критике. Не особенно стесняясь в выражениях, министр двора свел всю деятельность власти в деревне к «упорядочению» «извода богатства». Он имел в виду изъятие средств в виде податей и т. п. вместо проведения политики, нацеленной на развитие производительных сил³¹.

Оппонентом И.И.Воронцова-Дашкова с позиций действительных защитников неприкосновенности общины выступил С.Ю.Витте. Его записка «Соображения министра финансов по поводу суждений, высказанных по вопросу о мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель»³² составлялась целым авторским коллективом публицистов — ярых сторонников общины: дело начал С.Ф.Шарапов, а закончили А.Н.Гурьев и Г.П.Сазонов³³. Содержание записки в итоге оказалось очень близко к опубликованным работам Г.П.Сазонова³⁴. В их основе лежал тезис об общине как фундаменте государственного строя России. Мнению о хозяйственной несостоятельности общины автор противопоставлял утверждение, что народ привержен именно такой форме хозяйственной жизни, а также угрозу массовой (2/3) пролетаризации крестьянства в случае разрушения общины. Слабость этих рассуждений проступала уже в том, что фундамент российской государственности сам нуждался в искусственной поддержке, что прямо признавалось автором. Он предлагал придать общине статус «государственной ячейки»³⁵, оказывая ей всемерную поддержку. Этот ход рассуждений перешел и в записку министра финансов.

В основу документа были положены уже упоминавшееся представление о крестьянине-общиннике как главной опоре самодержавия и опасения за падающий уровень благосостояния крестьянства. Однако для выправления положения дел, по мнению С.Ю.Витте, следовало менять не устройство общины, а условия жизни вокруг нее. Нереальность такой установки сделала ее содержание внутренне противоречивым: единственным серьезным аргументом против рассуждений И.И.Воронцова-Дашкова оказалось утверждение, что общинные порядки показали свою большую жизнеспособность, чем это представлялось их противникам. Иначе говоря, даже у ярых сторонников общины помимо их желания проступало признание обреченности этих порядков, пусть и не в столь близком будущем. А ведь именно с ними связывалась устойчивость самодержавия, и получалось, что оно исторически бесперспективно и способно лишь продлить свое существование искусственной поддержкой общины.

Насколько мне известно, это было первым выступлением С.Ю.Витте по вопросу, не входящему прямо в компетенцию министра финансов. Конечно, он имел формальное право представить собственное мнение. Но именно в таком контексте, когда молодой министр выступил категоричным противником И.И.Воронцова-Дашкова — человека, пользовавшегося расположением и полным доверием императора, — подобный поступок был явным притязанием на роль одного из ведущих министров — не по должности, а по личному авторитету. Характерной противоположностью этого было очень осторожное поведение И.Н.Дурново в отношении записки министра двора: глава МВД не мог не знать о том, что граф составил свою записку по желанию императора, а его боязнь возразить как нельзя лучше показала то значение, которое имел руководитель самого важного ведомства. Я полагаю, что и за-

писки С.Ю.Витте не могла появиться без санкции Александра III. Это совсем не означает, что его роль защитника общины была задана ему императором, вероятнее всего, он выбрал ее сам. Почему она оказалась именно такой?

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, нужно вернуться к содержанию записки С.Ю.Витте. Все ее рассуждения нацелены на убеждение читателя в возможности сохранения стабильности в стране через сохранение и поддержку общины: и благосостояние крестьянства можно поднять, и для помещика появится «наиболее надежный работник», и для самодержавия останется исконный фундамент. Таким образом создавалась иллюзия возможности простейшим путем достичь благосостояния и спокойствия в стране. Но конкретные действия С.Ю.Витте как министра финансов не соответствовали намеченной идиллии. Так, в 1894 г. он вместе с И.Н.Дурново выступил за отмену фискального значения паспортов, ослабляя таким образом институт круговой поруки — один из краеугольных камней существовавшей общины³⁶. Поэтому можно предположить, что записка была составлена для создания себе определенной репутации, то есть в целях политической борьбы. Вероятно, отношение министра финансов к общине в первой половине 90-х гг. не было однозначным. Его поступки отличались внутренней противоречивостью. Так, выступая за сохранение общины, С.Ю.Витте одновременно был сторонником юридического полноправия крестьян. Именно это послужило для него чуть позже точкой отсчета для пересмотра своего отношения к общине³⁷.

Возвышение С.Ю.Витте по скорости и по неродовитому происхождению носило беспрецедентный характер. Его положение как министра затруднялось завистью многих к «выскочке», отсутствием прочных связей среди петербургской знати. Для министра финансов в высшей степени было бы проблематичным надеяться на благосклонность правящих верхов к любым серьезным преобразованиям — укорениться он мог только на «правой» почве³⁸, независимая позиция И.И.Воронцова-Дашкова тогда была для него недостижима. История с запиской позволяет предположить, что она была нацелена в том числе и на поиск поддержки со стороны К.П.Победоносцева. С.Ю.Витте, видимо, не случайно поменял автора записки с С.Ф.Шарапова на Г.П.Сазонова: если первый был ненавидим обер-прокурором Синода, то второму К.П.Победоносцев активно помогал, в частности, организовал представление книги Г.П.Сазонова «Неотчуждаемость крестьянских земель в связи с государственно-экономической программой» (СПб., 1889) императору³⁹. Особенность политической ситуации в России была тогда такова, что в моменты ожесточенной борьбы за влияния С.Ю.Витте для победы приходилось занимать всегда наиболее правые позиции.

«Борьба записок» перешла в конце концов в зал заседаний Государственного совета, где большинство оказалось на стороне И.Н.Дурново — К.П.Победоносцева — С.Ю.Витте и открыто признало необходимость пересмотра положений реформы 1861 г. Но взяв этот курс, высший законосовещательный орган пока ограничился запретом на отчуждение крестьянских земель лицам других сословий, признанием недопустимости их залога и запретом их досрочного выкупа⁴⁰. 14 декабря 1893 г. это мнение было утверждено Александром III и стало законом. Таким образом, 1893 г. ознаменовал собой откровенный поворот государственной политики в крестьянском вопросе.

Он состоял в отказе от конечной цели реформы 1861 г. — превращения деревенского мира в слой мелких собственников — и переходу к жесткому государственному регулированию общины. По большому счету власть желала бы заморозить социально-политический строй империи на пути ее преобразования в «полицейское государство»⁴¹.

В условиях самодержавной России любая, даже самая выигрышная комбинация реформаторских сил, чтобы реализовать свою программу, в конечном итоге упиралась в императора. Поэтому возможность преобразований в России, а тем более сколько-нибудь серьезная смена курса в начале 90-х гг. XIX века зависела от политических воззрений Александра III. И если, как было показано выше, среди представителей бюрократии имелись силы, понимающие необходимость продолжения «великих реформ» и готовые приступить к ним, то решающее значение приобретало отношение Александра III к этим инициативам.

Политический курс сына царя-освободителя был несомненно консервативным, но вряд ли его следует называть «неприкрытой реакцией», как это сделал П.А.Зайончковский⁴². Взгляды Александра III отличались определенной непоследовательностью, да и вряд ли за самодержцем, имевшим весьма скромные способности, можно было ожидать продуманной и строго выдержанной политики. Некоторые весьма осведомленные современники свидетельствовали, что царь, будучи апологетом самодержавия, тем не менее не был принципиальным противником реформ своего отца. По мнению Д.С.Арсеньева, Александр III в душе «был скорее так называемого либерального направления», сочувствовал «великим реформам» и желал их продолжения, но мешала смута⁴³. Ему вторит И.И.Колышко, напоминая, что уже в 70-е гг. XIX века вокруг наследника престола сложился кружок (братья Лейхтенбергские, И.И.Воронцов-Дашков, С.Д.Шереметев, В.П.Мещерский, С.Велепольский), в котором обсуждались исторические судьбы России. Не отрицая необходимость «великих реформ», они пытались усваивать их через призму известной уваровской триады «православия, самодержавия и народности». Возможно, поэтому, что значительный поворот политического курса вправо после 1 марта 1881 г. был следствием стечения ряда обстоятельств, прежде всего значительным революционным движением и убийством Александра II, а также и из-за того, что в тот момент К.П.Победоносцев и Д.А.Толстой выглядели убедительнее и умнее, чем М.Т.Лорис-Меликов и Н.П.Игнатьев⁴⁴. Однако это не мешало Александру III задумываться о возможных в дальнейшем преобразованиях. Наверное не случаен был его интерес к деятельности Секретного комитета 6 декабря 1826 г., о котором А.А.Половцов представил специальную записку⁴⁵.

Колебания внутривластного курса царя-мироотворца были часто вызваны не столько убедительностью аргументов министров, сколько личной некомпетентностью и упрямством. Например, его резкая нелюбовь к интригам приводила к тому, что он стремился давать высокие посты жертвам сплетен, не всегда умея оценить их деловые качества⁴⁶. Так было при назначениях Т.И.Филиппова и С.Ю.Витте. Иначе говоря, выбор направления во многом зависел не от принципиальных аргументов, а от случая, настроения и причуд носителя абсолютистской власти в империи. Такая политика была малопредсказуема, в любой момент можно было ожидать ощутимых колебаний. Но

они не выходили за известные рамки. Александр III все-таки не был самодуром, в немалой степени он прислушивался к мнению наиболее опытных бюрократов. Все дело было в том, чье мнение в данный момент окажется наиболее убедительным для самодержца. Поэтому и итог был таков: сохраняя в целом консервативное направление политического курса, царь в ряде случаев мог пойти на заметные шаги в умеренно-либеральном направлении, и эти поступки были неожиданными для многих.

Однако своеобразие решений Александра III никоим образом не диктовалось ситуацией, складывающейся в стране. А она была довольно непростой и противоречивой. Несмотря на относительно успешное экономическое развитие державы, сохранялись холодные отношения между властью и обществом. В преддверии XX века русская деревня могла еще вымирать от голода, так как это произошло в 1891—1892 гг.⁴⁷ За видимым спокойствием и величием скрывались тяжелые болезни империи, масса проблем, и приступать к их решению следовало незамедлительно.

В начале 90-х гг. XIX века царизм оказался на перепутье, когда желание отказаться от многих результатов реформ 60-х гг. сталкивалось с необходимостью предпринимать дальнейшие преобразования. Но окончательно ступить на тот или другой путь он так и не решился, а за всем этим топтанием на месте или откатом назад, которые ярко проявились в крестьянском вопросе, уходило время, что впоследствии значительно сузило пространство для маневра. «Царствование Александра III оказалось роковым для России; оно направило Россию на путь, который подготовил позднейшую катастрофу»⁴⁸.

¹ Записка Н.В. Муравьева о проекте судебной реформы в России // РГИА. Ф. 995. Оп. 3. Д. 15. Л. 3, 19, 24; также об этом — *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 258—261.

² *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента МИД // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 120; *Ковалевский В.И.* Воспоминания // Русское прошлое. 2. СПб., 1991. С. 48—49, 72—73.

³ А.С.Ермолов был протеже И.И.Воронцова-Дашкова, за него также ходатайствовал С.Ю.Витте (*Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 348).

⁴ А.С.Ермолов — И.Н.Дурново, декабрь 1893 г. // РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 188.

⁵ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Фадеев Р.А.* С.Ю.Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881—1883 гг. // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 299—326; *Чернуха В.Г.* Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (середина 70-х годов XIX в.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 161—186.

⁶ ОР РГБ. Ф. 58. Раздел 2. К. 139. № 1, 30.

⁷ В черновике его всеподданнейшего доклада одним из пунктов звучит: «Разрешить мне писать Государю». Здесь «писать» включает в себя явно не вопросы, касающиеся Министерства двора (черновик всеподданнейшего доклада И.И.Воронцова-Дашкова по вопросу реформы Министерства двора. Без даты [не позже 1885 г.] // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 235. Л. 50).

⁸ Замечания министра императорского двора и уделов по проекту положения о земских начальниках, съездах сих начальников и губернских по сельским делам присутствиях 23 сентября 1888 г. // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 233. Эта записка по поручению И.И.Воронцова-Дашкова была написана В.С.Кривенко (*Кривенко В.С.* В Министерстве двора // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 672. Л.124). По сведениям А.А.Киреева, в ее составлении также принимал участие управляющий Кабинетом Его Императорского Ве-

личества статс-секретарь Н.С.Петров (А.А.Киреев — П.А.Кулаковскому 2 марта 1889 г. // ИРЛИ. Ф. 572. Оп. 1. № 145. Л. 11 об.).

⁹ *Кривенко В.С.* Указ. соч. Л. 52.

¹⁰ Всеподданнейшая записка И.И.Воронцова-Дашкова о предполагающейся реформе Министерства двора // РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 72.

¹¹ Там же. Л. 52—54.

¹² «По вопросу об изменении законоположений о чиновничестве» // РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 54. Л. 3—7. Об истории попытки реформирования чиновничества в 80-е гг. см.: *Дубенцов Б.Б.* Вопрос об отмене гражданских чинов в правительственной политике 80-х гг. XIX в. // Социально-политическая история СССР. М.; Л., 1974. Ч. 1. С. 104—131.

¹³ Н.В.Муравьев в своем докладе пугал царя падением министерской власти над своими чиновниками и тем самым низвержением ведомственного авторитета. Однако его попытка задержать распушкание указа и отправить его на заключение в министерства натолкнулась на решительный отказ Александра III: «Если я желал бы получить отрицательный ответ, то, конечно, обратился бы к министрам» (всеподданнейший доклад Н.В.Муравьева 7 мая 1894 г. с пометами Александра III // РГИА. Ф. 995. Оп. 2. Д. 3). Об этом также — *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 110—111. Протест Н.В.Муравьева был поддержан практически всеми его коллегами. Позицию министра юстиции разделил К.П.Победоносцев в своем письме царю 11 мая 1894 г. (Письма Победоносцева к Александру III. Т. 2. М., 1926. С. 283—286). С.Ю.Витте лично доложил императору свои доводы против преобразований И.И.Воронцова-Дашкова. В его изложении Александр III согласился с приведенными доводами, но менять своего решения не стал. (В «Воспоминаниях» С.Ю.Витте содержится некоторая путаница: он пишет о том, как возражал вместе с Н.В.Муравьевым против указа, «по которому все награды должны представляться государю через этот инспекторский наградный комитет», — а это указ 9 июля 1892 г., тогда как протест министра юстиции относился к указу 6 мая 1894 г. об изменении порядка производства в чинах. См: *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 313—316).

¹⁴ Так, с июля по октябрь 1895 г. А.М.Безобразов прошел путь от надворного (VII класс) до статского советника (V класс), в июне 1897 г. стал действительным статским советником (IV класс) и одновременно вышел в отставку (формулярный список А.М.Безобразова // РГИА. Ф. 1409. Оп. 9. Д. 11; Ф. 1337. Оп. 1. Д. 92). Интересно, что отставка совпала по времени с увольнением И.И.Воронцова-Дашкова от должности министра двора. Н.И.Непорожнев в 1896 г. неожиданно был причислен к Министерству двора с добавлением содержания 3 000 руб. в год. Такое перемещение действительного статского советника, члена Комитета о службе чинов носило необычный характер (его формулярный список // РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 932).

¹⁵ *Брусникин Е.М.* Подготовка закона 14 декабря 1893 г. о неотчуждаемости крестьянских наделных земель // Ученые записки ГГУ. Вып. 72. Т. 1. Горький, 1964. С. 346—350.

¹⁶ Библиотека РГИА. Печатная записка № 973.

¹⁷ Записка «О мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель» 29 мая 1890 г., № 6326 // Там же. Печатная записка № 2627.

¹⁸ *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 2. М., 1966. С. 402. Запись 19 декабря 1891 г. В начале царствования Николая II А.А.Половцов вновь обратился к идее крестьянской подворной собственности на землю и составил об этом записку. Однако соображения государственного секретаря были подвергнуты суровой критике К.П.Победоносцевым, Николай II согласился с мнением своего наставника (записка К.П. Победоносцева по поводу записки А.А.Половцова об устройстве юридического быта крестьян [1895] // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 623).

¹⁹ Записка «По проекту правил о земельных переделах» 16 ноября 1892 г., № 13670 // Библиотека РГИА. Печатная записка № 2627.

²⁰ Черновой вариант обзора деятельности МВД за время с 1 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1899. Д. 49. ч. 1. Л. 105—106, 117. И после 1893 г. МВД продолжало свой курс на усиление государственной регламентации жизни крестьян. Осенью 1894 г. просочились сведения, что в ведомстве готовился проект реформы крестьянского управления, по которому мирских должностных лиц предполагалось назначать от правительства, деятельность сельских обществ должна была подвергнуться «самой пол-

робной и мелочной регламентации», вплоть до составления и утверждения властью смет мирских расходов (Ф.Д.Самарин — Д.Ф.Самарину 7 сентября 1894 г. // ОР РГБ. Ф. 265. К. 253. № 1. Л. 118 об.).

²¹ «Мнение члена Государственного совета Н.Х.Бунге по поводу представлений МВД... 1890 и 1891 г.» 15 апреля 1893 г. и «Соображения члена Государственного совета Н.Х.Бунге по вопросу о неотчуждаемости крестьянской надельной земли» 16 ноября 1893 г. // Материалы, относящиеся к изданию закона 14 декабря 1893 г. «О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских надельных земель». СПб., 1905.

²² Сыромятников С., Юрьевский Б. Землеустроительный смотр. [СПб., 1912]. С. XXVII.

²³ Записка министра двора и уделов графа Воронцова-Дашкова об уничтожении крестьянской общины и возражение на нее министра внутренних дел И.Н.Дурново. Женева, 1894. С.5—35.

²⁴ В черновом плане записки И.И.Воронцов-Дашков выразился так: «Кто общинник? Социалист и крепостник» (РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 235. Л. 17).

²⁵ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 4210. Л. 1.

²⁶ «К соображениям министра финансов по поводу суждений, высказанных по вопросу о мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель» // Материалы... СПб., 1905.

²⁷ ОР РГБ. Ф. 58. Раздел 1. К. 95. № 29. Л. 15—17; РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 235. Л. 17.

²⁸ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 4210. Л. 1 об.

²⁹ Записка... Женева, 1894. С. 36—44.

³⁰ И.Н.Дурново — И.И.Воронцову-Дашкову 26 июля 1892 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 44 (425/2185). Д. 29. Л. 202. Однако во всеподданнейший доклад И.Н.Дурново включил также предложения комиссии В.К.Плеве: переход от денежных повинностей к натуральным, организация общественных работ в счет недоимок, сооружение элеваторов, поддержка кустарной промышленности. Александр III согласился с представленными ему соображениями и решил «всерьез заняться этими мерами», однако дальше резолюции дело, по-видимому, не пошло (копия всеподданнейшего доклада И.Н.Дурново // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 239. Л. 14—20). Для А.А.Клопова же этот эпизод стал началом его карьеры «негласного корреспондента» Николая II и ряда министров (подробнее об этом — Лукьянов И. В. Тайный корреспондент Николая II А.А.Клопов // Из глубины времен. 6. СПб., 1996. С. 64—86).

³¹ Черновик письма И.И.Воронцова-Дашкова — И.Н.Дурново 6 августа 1892 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 44(425/2185). Д. 29. Л. 203, 205.

³² Материалы... СПб., 1905.

³³ Сазонов Г.П. Воспоминания // РГИА. Ф. 1659. Оп. 1. Д. 63. Л. 19.

³⁴ Сазонов Г.П. Неотчуждаемость крестьянских земель в связи с государственно-экономической программой. СПб., 1889; *Он же*. Быть или не быть общине? СПб., 1894.

³⁵ Сазонов Г.П. Неотчуждаемость крестьянских земель в связи с государственно-экономической программой. СПб., 1889. С. 118—119, 153.

³⁶ Симонова М.С. Отмена круговой поруки // Исторические записки. Т. 83. М., 1969. С. 177—178 и др.; *Ананьич Б.В.* Из истории законодательства о крестьянах (вторая половина XIX в.) // Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л., 1983. С. 39—41; Кризис самодержавия в России 1895—1917. Л., 1984. С. 49—54. Я не думаю, что проект нового положения о паспортах находился вполне «в соответствии с общим направлением правительственной политики в крестьянском вопросе» (Кризис... С. 51). С.Ю.Витте по возможности старался ему не противоречить, но это не мешало министру в ряде случаев занимать принципиальную позицию: он, например, по крайней мере с 1892 г., неизменно был против круговой поруки (Там же. С. 58).

³⁷ Так, в записке [«Очерк юридических неустойств в быту крестьянского сословия»] констатировалась невозможность поднять благосостояние крестьянства без изменения их «юридического быта» и недопустимости полновластия общества в отношении крестьянина // Библиотека РГИА. Печатная записка № 973.

³⁸ Публицистические опыты С.Ю.Витте в «Московских ведомостях» свидетельствуют не столько о его истинных взглядах, сколько о желании казаться «своим» для круга почитателей этого издания. В иных же случаях С.Ю.Витте занимал совсем другие позиции. Перед И.С.Аксаковым он защищал студентов Киевского университета, подчеркивая

